

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

УДК 323.22

Н.В. Борисова, Л.С. Бородина, К.А. Сулимов
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
E-MAIL: NADEZHDA2@YANDEX.RU, BORODINALIDIYA@GMAIL.COM,
KSULIMOV@YANDEX.RU

«ШАШЕЧКИ ИЛИ ЕХАТЬ?»: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ОБЩЕСТВАХ¹

Языковая политика в федерациях, децентрализованных унитарных государствах, государствах с выделенными территориальными автономиями является одним из механизмов, сопутствующим институциональному устройству в логике power-sharing. Выбор в пользу механизмов power-sharing обусловлен многосоставным в этническом, конфессиональном или лингвистическом отношении характером общества. При этом конкретная конфигурация языковой политики как политики, направленной на обеспечение и сохранение культурной самобытности сообщества, может быть обусловлена прагматической задачей выживания сообщества (носителя редкого/ вымирающего и т.п. языка), так и носить сугубо символический и даже имитационный характер. В этом случае речь может идти о вариантах следования нормативным представлениям о должном, когда значимую роль приобретают внешние стимулы, например, в виде набора критериев демократичности и обеспечения прав меньшинств, которым следует соответствовать. Маркером первого варианта конфигурации языковой политики является наличие выигравших, в то время как вариант реализации этой политики как символической необходимости вопрос о выигравших или проигравших не актуализирует. В качестве исследуемых случаев в статье выступают Великобритания, Сербия, Босния и Герцеговина и Италия.

Ключевые слова: языковая политика, этнические автономии, сложноустроенные общества, преференциальная политика

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (рук. Панов П.В).

FORM OR CONTENT? LANGUAGE POLICY IN COMPLEX COMMUNITIES

Multicultural communities (federal states, decentralized unitary states, states with autonomous administrative division), which can be named as such due to ethnic, religious or linguistic complexity of its societies, use language policy as one of the mechanisms accompanying institutional set-up through power-sharing model. However, a particular type of the language policy as a policy aimed at ensuring and preserving community's cultural identity, may be due to the pragmatic task of the community's survival (regional, minority or endangered languages, etc.) or, on the contrary, to be purely symbolic, and even have mimetic nature. In the latter case one can observe the options of following normative conception of *proper*, when external stimuli acquire meaningful role. (For example, in the form of criteria set for democracy and the rights of minorities to which one should conform.) The hallmark of the first option of the language policy implementation arrangements is the presence of the winners, while the latter option of treating this policy (as a symbolic necessity) skips the question of winners and losers. The cases chosen for the analysis are the United Kingdom, Serbia, Bosnia and Herzegovina and Italy.

Key words: language policy, ethnic autonomies, complex communities, preferential policy.

Значимым трендом развития современного мира является его усложнение. Речь идет о социокультурной гетерогенности и сегментированности сообществ и обусловленной ими политико-институциональной сложности (комплексности). Этнически и/или конфессионально и/или лингвистически сегментированное (фрагментированное) общество характеризуется расколами. Способом преодоления расколов (решения конфликтов) является предоставление этнической группе или группам территориального самоуправления (автономии), что означает усложнение политико-институциональной структуры общества. Можно выделить два основных элемента автономии: система power-sharing и преференциальные политики. В первом случае речь идет об институционализации системы представительства/участия группы в органах публичной власти, во втором – о решениях в отношении обеспечения особых прав группы – преференциальных политических курсах. Языковая политика в сложносоставных обществах (федерациях, децентрализованных унитарных государствах, государствах с выделенными территориальными автономиями) является одним из механизмов, сопутствующим институциональному устройству.

ву в логике power-sharing. Интерес представляет вопрос о том, что определяет конкретную конфигурацию языковой политики? В качестве исследуемых случаев в статье выступают Великобритания, Сербия, Босния и Герцеговина (далее – БиГ) и Италия.

БиГ: равенство языков как символическая гарантия прав меньшинств. Босния и Герцеговина является наиболее этнически фрагментированной страной, возникшей на обломках Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ): по мнению Э.Яна, «если не принимать в расчет Дагестан, Босния и Герцеговина является единственной в Европе страной, население которой состоит только из этнических меньшинств» [24, с. 181]. По данным CIA World Factbook в 2014 г. в БиГ бошняки составляют 48,4 %, сербы – 32,7 %, хорваты – 14,6 %, другие – 4,3 %. Преобладающие в БиГ религии: ислам, православие, католицизм. Приверженность к религии определяется, как правило, этнической принадлежностью: сербы исповедуют православие (31 %), хорваты – католицизм (15 %). Сербы и хорваты (боснийцы, бошняки), исповедующие ислам, составляют 40 %. Эксперты отмечают, что «религия играет ключевую роль в этнической идентификации трех основных этнических групп» [9, с. 16]. Бошняки (bošnjač) – это южнославянский народ мусульманского вероисповедания. В югославский период бошняков называли *боснийскими мусульманами* или *муслиманами*. Встречается этноним босниец (bosanac), указывающий на принадлежность к Боснии и Герцеговине как к территории [25].

Официальные языки БиГ: боснийский, сербский, хорватский. Современная лингвистика считает хорватский и сербский языки самостоятельными родственными языками, а в случае с боснийским языком боснийские лингвисты настаивают, что это язык одной из трех государствообразующих этнических групп [25]. Ситуация с языками является одним из маркеров сложившихся крайне конфликтных отношений между этническими группами, энтитетами БиГ и объясняет характер фракционализации. Распад Югославии, последовавшее за этим не просто выделение БиГ, но формирование ее как федерации с сильными (с точки зрения политической автономии) энтитетами обусловили тренд на изменение статуса боснийского языка. «Мусульмане Боснии и Герцеговины, которые в 1990-х годах приняли самоназвание бошняки, в 1992 г. объявили о существовании боснийского языка (bosanski jezik), но хорваты и сербы выступили против этого глоттонима, основываясь на том, что язык, который нормируется на мононациональной (бошняцкой) основе, должен получить название по национальному признаку (бошняцкий – bošnjački), а не по территориальному (боснийский – bosanski), <...> хотя и оно оказывается территориально неполноценным потому, что в нем не упоминается Герцеговина» [25].

Таким образом, для сербов, хорватов, бошняков – граждан БиГ – хорватский, сербский и боснийский являются отдельными языками. Само право называть свой язык по этнониму для сербов и хорватов связано с их претензией на сохранение особого статуса и предпочтений. Лингвист Б.Тошович указывает на то, что «с одной стороны, бошнякам не нравится, что оспаривается их суверенное право называть язык так, как они хотят. С другой стороны, из того, что (1) бошняки настаивают на том, чтобы сербы и хорваты называли этот язык как они это делают, что (2) этим проводится скрытая (подспудная) синонимизация и идентификация: боснийский язык – это язык Боснии и Герцеговины, грозящие в конечном результате (3) нейтрализацией и даже исчезновением других двух языков Боснии и Герцеговины (HR и SR), у значительной части сербов и хорватов наблюдается стремление отталкиваться от понятия «боснийский», даже в ситуациях, вовсе не связанных с языковым вопросом» [25]. Языковая политика в современной Боснии и Герцеговине направлена не столько на создание условий, способствующих сохранению этнических меньшинств, сколько является символическим инструментом поддержания баланса для хорватов, сербов и бошняков. При этом последние стремятся изменить установленный Дейтонскими соглашениями 1995 г. и ратификацией Европейской Хартией региональных языков и языков меньшинств [20; 22] баланс в пользу превращения боснийского языка в интегрирующий государствообразующий. В том случае, очевидно, происходит отказ от преференциальной языковой политики как механизма power-sharing.

Сербия: языковая политика как инструмент сохранения этнического разнообразия и способ выживания этнического сообщества. Сербия в этническом отношении является многонациональным государством, но при этом в нем выделяется доминирующая титульная нация – сербы, численность которых по данным переписи 2011 г. составляет 83,32 % [1] (без Косово). Вторая по численности этническая группа – венгры (3,9 %). За ними идут: цыгане (1,4 %), бошняки (1,8 %), черногорцы (0,9 %), другие – 9,1 %. После распада СФРЮ сербы сохраняют свое доминирующее положение в Сербии, являясь титульной этнической группой. Преобладающая в Сербии религия – православие, а вторая и третья религии – католицизм и ислам. Официальный язык – сербский. По распространенности он доминирует, составляя в языковой структуре Сербии 88 %. В целом, лингвистический и этноконфессиональный состав Сербии коррелируют друг с другом.

В территориальном разрезе именно автономный край Воеводина (как территориальная автономия с особым публично-правовым статусом) отличает этнически неоднородный состав населения. По данным национальной переписи 2011 г. там проживает около 26,88 % всего населения страны [2, с. 20]. Доминирующей этнической группой яв-

ляются сербы (66,76 % от общего числа проживающих на территории Воеводины граждан). Вторая по численности группа – венгры (13 %), третья – цыгане (7,64 %). Население Воеводины, крайне полиэтнично. На территории автономного края проживают кроме сербов и венгров: албанцы, бошняки, болгары, буневцы, вlahи, горанцы, македонцы, муслиманы, немцы, словаки, русины, русские, украинцы, румыны, цыгане и др. (всего 26 этнических групп). На территории Воеводины сформированы 45 муниципалитетов, из которых 41 – мультиэтничен.

Согласно § 1 ст. 24 Статута АК Воеводины сербский язык и кириллица являются официальными языком и алфавитом делопроизводства в крае. Кроме того, этим же правом на территории края обладают: венгерский, словацкий, хорватский, румынский и русинский языки и используемые ими алфавиты [15]. Однако на муниципальном уровне список языков, используемых в официальном делопроизводстве, шире. В соответствие со Статутом Автономного края Воеводина, а также Конституцией Республики Сербия на территории края законодательно обеспечены: 1) защита прав и свобод этнических меньшинств; 2) официальные использование языков и алфавитов меньшинств (ст.79 Конституции Республики Сербия, ст. 6 Статута АК Воеводина). Кроме того, ратифицирована Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств. Так, в соответствии с этими документами, «Правительство Воеводины ответственно за обеспечение официального использования сербского языка (на кириллице и/или латинице), венгерского, словацкого, хорватского, румынского и др. языков этнических меньшинств, проживающих в крае. Члены правительства имеют право пользоваться родным языком в ходе выполнения своих должностных обязанностей как в устной, так и письменной форме» [6].

Согласно «Докладу об официальном использовании языков и алфавитов этнических меньшинств в уставах городов и муниципалитетов АК Воеводина» от 2014 г. [10] сербский язык и кириллица используются во всех 45 муниципалитетах края как официальный язык и алфавит Сербии (Конституция Республики Сербия, ст.10). При этом в 15 муниципалитетах используется так же и латинский алфавит. В список официальных языков и алфавитов Воеводины (ст. 26 Статута АК Воеводина) включен венгерский язык, используемый в официальном делопроизводстве в 31 муниципалитете, словацкий (в 13 муниципалитетах), хорватский (в 4 муниципалитетах), румынский (в 10 муниципалитетах), русинский (в 6 муниципалитетах), чешский (в 1 муниципалитете), македонский (в 2 коммунах двух разных муниципалитетов), болгарский (в 1 коммуне), хроногорский (в 1 муниципалитете) [5]. Статут Воеводины фактически реализует положения Закона о защите прав и свобод этнических меньшинств Республики Сербия (2009, решение Конституционного суда 2014 г.) [10]: устав любого муниципального

образования, города, населенного пункта (коммуны) предусматривает возможность использовать в официальном делопроизводстве языки и алфавиты этнических меньшинств, проживающих в этих территориях. При этом, поскольку этнический состав края, как и любого гетерогенного в этом отношении образования, изменчив во времени, меняется и набор официально используемых в каждом конкретном муниципалитете языков (за исключением сербского, как государственного во всей Сербии). Поддержка культуры и языков этнических меньшинств осуществляется через систему образования: в соответствии со ст. 13 Статута АК граждане имеют право получить образование на родном для них языке.

В случае Сербии мы видим, что преференциальная языковая политика не является локализованной, т.е. направленной и действенной в отношении конкретной территории. Она реализуется в отношении этнических сообществ, представители которых проживают в разных территориях страны, в т.ч. и в АК Воеводина. Но актуализация и институционализация этой политики стали важной частью процесса институционального оформления Воеводины как полиэтничной автономии, где гарантировано сохранение и выживание любой, даже самой маленькой, этнической группы. При этом агентом институционализации языковой политики стали, прежде всего, венгры как первые в Воеводине среди этнических меньшинств.

Валлийский ренессанс в Великобритании? (языковая политика в условиях «исполнительной деволуции» в Уэльсе).

История конфликтных отношений Англии с Уэльсом уходит в глубь веков. В 1535 г. была заключена уния Англии и Уэльса. Согласно этому Акту на территории Уэльса признавался в качестве единственного только закон Англии. Уэльс получил для своего представительства 26 мест в английском парламенте. Историки отмечают, что в акте 1535 г. около 7500 слов, и около 150 из них касаются валлийского языка. Английский язык стал единственным языком судопроизводства, а не знающие английский язык не могли занимать официальные должности на территориях короля Англии, включая Уэльс. Едва ли английские власти жаждали убийства языка: их цель была в создании единой образной администрации [23]. Уэльс вошёл в состав Англии на правах фактически поглощенной территории и, как следствие, утратил свою самостоятельность. Следует отметить, что политика Лондона в отношении образования на валлийском языке в XIX в. была дискриминационной. Во второй половине 1840-х гг. британское правительство командировало в Уэльс комиссию, которая представила отчет о том, что образование в Уэльсе плачевно, поскольку ведется на валлийском языке [21]. Одним из неизбежных результатов этого доклада было его влияние на самосознание валлийцев, которые «начали верить, что их социальный статус и благополучие могут быть улучшены только через

образование и умение говорить и общаться на английском языке» [14]. В 1925 году была создана Валлийская Национальная партия, одним из результатов политической деятельности которой стала институционализация поддержки валлийской культуры и языка. Например, первая школа, которая начала преподавание на валлийском языке, была основана в 1939 г. в валлийском г. Аберистуит.

Коренные жители Уэльса – валлийцы – сохранили свою самобытность, культуру и частично родной язык (на юге и севере преимущественно говорят по-английски). Согласно национальной переписи населения 2011 г. 66 % жителей Уэльса идентифицируют себя как валлийцы [5]. Официальный язык – английский. Вместе с тем, согласно Акту о валлийском языке [16] валлийский язык во всех сферах общественной жизни Уэльса уравнивается в правах с английским. Большая часть территорий Уэльса являются преимущественно англоговорящими, в то время как только в западных регионах, в частности, Ангси, Гвидене, доминирует валлийский язык, а в Гламоргане и Ронда Кинон Таве на валлийском говорят и пишут свободно до трети населения [17].

Наибольшие права и преференции регион получил именно в области языковой политики (Акт о валлийском языке 1993 г.) и регулировании местного самоуправления, вплоть до реформирования (Уэльский Акт 1998, Уэльский Акт 2006). Согласно Акту о валлийском языке 1993 г. валлийский язык получил статус второго официального языка, используемого на региональном уровне (статус регионального языка). По этому же Акту был учрежден **Валлийский Языковой Совет**. Деятельность Совета финансируется из государственного бюджета и направлена на продвижение валлийского языка и культуры в Уэльсе. Кроме того, совет получил право мониторинга деятельности местных органов власти по защите/использованию валлийского языка в официальном делопроизводстве, создании условий для обучения языку школьников. По результатам мониторинга Совет представляет доклад на имя министра по делам валлийской культуры и наследия в Ассамблее Уэльса. В 2008 г. решением Ассамблеи Уэльса был инициирован и запущен проект по продвижению валлийского языка в частном секторе (Investing in Welsh Schemes). «В настоящее время в Уэльсе насчитывается более 440 начальных школ и 50 средних школ, преподавание в которых проводится полностью или преимущественно на валлийском языке. <...> В университетах и колледжах по всему Уэльсу некоторые курсы преподаются на валлийском языке. Кроме того, существует много курсов валлийского языка для взрослых» [19]. Реализуемая в течение 20-ти лет региональная языковая политика дала свои плоды. Так, знание валлийского языка различно в разных возрастных группах. Если в группе 45–49 лет около 80 % не знают валлийского языка, то, например, в возрастной группе 10–14 лет таковых только 47 % [17].

«Языковая мозаика» в Италии. В статье 3 Конституции Итальянской республики (1947 год) установлено, что «все граждане имеют одинаковое общественное достоинство и равны перед законом независимо от пола, расы, языка, религии, политических убеждений, личного и социального положения». При этом специально выделены в ст. 6 языковые меньшинства: «С помощью соответствующих мер Республика охраняет языковые меньшинства». Собственно язык и является главным идентификационным критерием для выделения меньшинств в Италии. Принято считать, что доля языковых меньшинств составляет порядка 5 % населения, соответственно, итальянцев, использующих итальянский язык, примерно 94–95 % населения [11].

Сам итальянский язык был объявлен официальным языком Итальянской республики только в 1999 году законом от 15 декабря 1999 года № 482 «Правила по охране исторических языковых меньшинств» [12]. Тем же законом установлено, что «республика защищает язык и культуру групп населения (*popolazioni*), говорящих на албанском, каталонском, германских, греческом, словенском и хорватском языках и тех, кто говорит на французском, франко-провансальском, фриульском, ладинском, окситанском и сардинском языках». Из этого следует, что данные языки официально признаны в Италии и, значит, могут рассчитывать на потенциальную защиту – и фактически пользуются ею, но в разном объеме, в том числе, потому, что закон уполномочил заниматься этими вопросами региональные, провинциальные и муниципальные органы власти. Государство частично финансирует эту деятельность, например, в 2015 году выделило 1741891 евро, из них 1689634 евро должны пойти на проекты региональных и местных администраций [4]. Кроме того, важно, что формулировка закона фактически проводит различие между языковыми меньшинствами, которые рассматриваются как группы, и теми, кто рассматривается как совокупность индивидов.

Но данное перечисление не исчерпывает языковое и этническое разнообразие Италии. С точки зрения *Minority Rights Group International* [7] ситуация в отношении этнических меньшинств выглядит следующим образом: говорящих на сардинском языке 1,3 млн (2 %), на фриульском 700000 (1,2 %), немецкоязычных в Южном Тироле 290000, цыган 80000–150000, говорящих на французском и франко-провансальском в Валле-д’Аоста (автономный регион) 90000, на словенском 50000–183000, на окситанском 50000, латинов 31500–33000, каталонцев 28500, грекоговорящих 2500–20000 и хорватов 2000–2400. Есть новые языковые меньшинства: албанцы (171567), марокканцы (170746), румыны (94818), филиппинцы (65575), китайцы (64010) и тунисцы (51137). Более того, сам итальянский язык весьма разнообразен и включает множество региональных диалектов, что оп-

ределяется историческими условиями возникновения единой итальянской нации. Существуют группы, заинтересованные в придании некоторым из региональных диалектов статуса самостоятельного языка – например, сицилийскому. Собственно ранее, до упомянутого закона от 15 декабря 1999 года №. 482, например, фриульский и сардинский языки тоже нередко рассматривались как диалекты итальянского. Согласно Атласу языков мира, в Италии насчитывается 31 язык, находящийся под угрозой (ЮНЕСКО), что больше, чем в других европейских странах, за исключением России (131) [18].

В общем, в Италии сложилась (в основном в силу исторических причин) весьма комплексная этно-языковая ситуация. Она сильно отличается в разных регионах и в отношении разных языков. В автономных регионах Италии (их всего 5 из 20) ситуация выглядит вполне благополучной, хотя и отличается от региона к региону. Например, в Валле-д'Аоста сложилось фактическое двуязычие (французский и итальянский), установлено равное положение языков, в том числе на госслужбе и в официальных документах, двуязычные школы. В Трентино – Альто-Адидже/Южном Тироле [3] существует комплексная система гарантий: институт раздельного голосования языковых групп в парламенте, система языковых квот в публичной службе, право «языковой инициативы» (официальный ответ должен быть на том языке, на котором обратились), три (включая ладинские муниципалитеты) отдельные и параллельные школьные системы, двуязычные топонимы и т.д. Эта система была создана на основании опыта фашистского периода Италии, когда эти территории подвергались насильственной итальянизации, вплоть до переименования фамилий. Но сейчас такой угрозы, очевидно, нет, более того, французский и немецкий языки имеют настолько мощные внешние сообщества, что вопрос их защиты потерял былую актуальность. Совсем иная ситуация для непризнанных языковых меньшинств. Речь идет прежде всего об иммигрантах: для них предусмотрены только отдельные гарантии, они не входят в «исторические» группы (в соответствии с «Правилами по охране исторических языковых меньшинств»). Также из этого закона исключены синти и цыгане, что постоянно подвергается международной критике.

Анализ предложенных случаев показывает, что конкретная конфигурация языковой политики как политики, направленной на обеспечение и сохранение культурной самобытности сообщества, может быть обусловлена как прагматической задачей выживания сообщества (носителя редкого/вымирающего и т.п. языка), как в Сербии или Уэльсе, или в отношении многих языковых общин в Италии, так и носить сугубо символический, по крайней мере, на настоящий момент (Валле-д'Аоста и Южный Тироль) и даже имитационный характер, как в Боснии и Герцеговине. В этом случае речь может идти о вариантах следования нормативным представлениям о должном, когда значимую роль

приобретают внешние стимулы, например, в виде набора критериев демократичности и обеспечения прав меньшинств, которым следует соответствовать. Маркером первого варианта конфигурации языковой политики является наличие выигравших, в то время как вариант реализации этой политики как символической необходимости вопрос о выигравших или проигравших не актуализирует.

Библиографический список

1. 2011 Census of population, households and dwellings in the Republic of Serbia / Statistical Office of the Republic of Serbia [Электронный ресурс]. URL: <http://webzss.stat.gov.rs/WebSite/Public/ReportResultView.aspx?rptKey=indId> (дата обращения: 10.10.2015).
2. 2011 Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia. Book 1. Ethnicity. Belgrade, 2012.
3. Alber E., Zwilling C. Continuity and Change in South Tyrol's Ethnic Governance / Autonomy arrangements around the world : a collection of well and lesser known cases/ ed.: Levente Salat, Sergiu Constantin, Alexander Osipov, István Gergő Székely. Cluj-Napoca : Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităților Naționale, 2014. P. 33–66.
4. Bando progetti 2015/ Minoranze linguistiche // Официальный сайт Департамента по региональным делам, автономиям и спорту Правительства Италии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.affariregionali.it/attivita/affari-regionali/ripartizione-dei-fondi-e-azioni-di-tutela/minoranze-linguistiche/bando-progetti-2015/> (дата обращения: 17.10.2015).
5. Census gives insights into characteristics of the population in Wales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/mro/news-release/census-21---wales/census-gives-insights-into-characteristics-of-the-population-in-wales.html> (дата обращения: 10.10.2015).
6. Government of the Autonomous Province of Vojvodina / Официальный сайт Правительства Воеводины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/government-autonomous-province-vojvodina> (дата обращения: 17.10.2015).
7. Italy – Peoples / Официальный сайт Minority Rights Group International [Электронный ресурс]. URL: <http://minorityrights.org/country/italy/> (дата обращения: 17.10.2015).
8. Jezici i pisma u službenoj upotrebi u statutima gradova i opština na teritoriji AP Vojvodine. Stanovništvo AP Vojvodine prema nacionalnoj pripadnosti/ Официальный сайт Департамента по вопросам образования и регулирования и администрирования советов этнических меньшинств AP Воеводина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php> (дата обращения: 21.09.2015).
9. Kivimäki T., Kramer M., Pasch P. The Dynamics of Conflict in the Multi-ethnic State of Bosnia and Herzegovina. Sarajevo, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fes.de/gpol/en/publ_conflictprev.php (дата обращения: 17.10.2015).
10. Languages and Alphabets in the Official Use in the Statutes of Cities and Municipalities of the Autonomous Province of Vojvodina. 15 February 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php> (дата обращения: 21.09.2015).
11. National demographic balance / Официальный сайт Итальянского национального института статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istat.it/en/archive/162261> (дата обращения: 21.09.2015).
12. Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parlamento.it/parlam/leggi/994821.htm> (дата обращения: 21.09.2015).
13. Official Use of Languages and Scripts in the AP Vojvodina // Официальный сайт Департамента по вопросам образования и регулирования и администрирования советов этнических меньшинств AP Воеводина [Электронный ресурс]. URL: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/etext.php?ID_mat=207&PHPSESSID=6ojvmmt68lo04ff839psef46u1 (дата обращения: 21.09.2015).

14. The Blue Books of 1847 // The National Library of Wales [Электронный ресурс]. URL: <https://www.llgc.org.uk/en/discover/digital-gallery/printedmaterial/thebluebooks/> (дата обращения: 21.09.2015).

15. Vojvodina Basic Facts// Официальный Сайт Автономного края Воеводина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina> (дата обращения: 21.09.2015).

16. Welsh Language Act 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents> (дата обращения: 05.09.2015).

17. Welsh language skills by local authority, gender and detailed age groups, 2011 Census [Электронный ресурс]. URL: <https://statswales.wales.gov.uk/Catalogue/Welsh-Language/WelshLanguageSkills-by-LocalAuthority-Gender-DetailedAgeGroups-2011Census> (дата обращения: 05.09.2015).

18. Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/communication-and-information/access-to-knowledge/linguistic-diversity-and-multilingualism-on-internet/atlas-of-languages-in-danger/> (дата обращения: 05.09.2015).

19. Валлийский язык // Лингвистическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://linguapedia.com.ua/writing/welsh.html> (дата обращения: 05.09.2015).

20. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств с пояснительным докладом (перевод на русский язык)// Сайт Совета Европы [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/textcharter/Charter/Charterexpl_rus.pdf (дата обращения: 05.09.2015).

21. Кобрин К. О национальной гордости валлийцев: рецензия на книгу Geraint H. Jenkins. The Welsh and Their Language in a British Context. St.Petersburg: Institute of Foreign Languages, 1997. 42 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/kobrin/2/2jenkins.htm> (дата обращения: 05.09.2015).

22. Полный список подписей и ратификации договора № 148 // Сайт Совета Европы [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/148/signatures?p_auth=VvN4ela5 (дата обращения: 05.09.2015).

23. Приход Тюдоров и Акт об Унии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cymraeg.ru/hanesymru/pennod09.html> (дата обращения: 05.09.2015).

24. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории/ Эгберт Ян; [пер. с нем. М. А. Елизаревой]. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

25. Тошович Б. Особенности боснийского/бошняцкого языка по отношению к сербскому и хорватскому [Электронный ресурс]. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no25_ses/contents.html (дата обращения: 10.10.2015).

УДК 325.14

Ю.В. ВАСИЛЕНКО

*НАЦИОНАЛЬНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» – ПЕРМЬ
E-MAIL: YUVASIL@YANDEX.RU*

ИММИГРАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕС: ОПЫТ ПЕССИМИСТИЧЕСКОГО СЦЕНАРИЯ

В статье предложен пессимистический сценарий политико-институциональной трансформации Европейского Союза под воздействием такого фактора, как чуждая в культурно-цивилизационном